

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.17>

Текуев Мусса Масхутович, Хуболов Сахадин Магаметович, Мизиев Ахмат Магометович

Отфитонимные микротопонимы в карачаево-балкарском языке

Цель исследования - определить структурно-семантические особенности карачаево-балкарских микротопонимов, производных от фитонимов. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится анализ топонимов, образованных от названий растений, которые представлены в местах компактного проживания карачаевцев и балкарцев. Источниками рассматриваемой топонимической лексики послужили материалы, наличествующие в специальных лексикографических работах. Полученные результаты показали, что исследованные микротопонимы представлены одно-, двух- и трехлексемными номинациями, в состав которых наряду с названиями растений входят и другие слова различной частеречной принадлежности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 82-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Boundedness/Unboundedness Category of the Yakut Polysemantic Verbs (by the Example of the Verb баp- “to Go, to Leave”)

Samsonova Ekaterina Maksimovna, PhD

*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
samsonova_em@mail.ru*

The paper aims to identify and differentiate the meanings of boundedness/unboundedness in semantic structure of the Yakut polysemantic verb баp- (“to go, to leave”). Scientific originality of the research lies in the fact that for the first time in the Yakut linguistics, the author suggests a classification of the verb meanings according to the degree of the boundedness feature manifestation in comparison with other lexico-semantic groups of verbs. The findings indicate that the dominant semantic meaning of the Yakut verb under study is the bound meaning “to leave” which emphasizes the initial phase of progressive motion. This semantics is preserved in 10 figurative meanings and 5 secondary meanings. The author shows that the unbound meaning “to go” is largely determined by the context, whereas the bound meaning is less contextually determined.

Key words and phrases: Yakut language; verb; semantics; polysemy; boundedness/unboundedness.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.17>

Дата поступления рукописи: 30.10.2020

Цель исследования – определить структурно-семантические особенности карачаево-балкарских микротопонимов, производных от фитонимов. *Научная новизна* работы заключается в том, что в ней впервые проводится анализ топонимов, образованных от названий растений, которые представлены в местах компактного проживания карачаевцев и балкарцев. Источниками рассматриваемой топонимической лексики послужили материалы, наличествующие в специальных лексикографических работах. *Полученные результаты* показали, что исследованные микротопонимы представлены одно-, двух- и трехлексемными номинациями, в состав которых наряду с названиями растений входят и другие слова различной частеречной принадлежности.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарский язык; оним; микротопоним; фитоним; апеллятив; субстантив.

Текуев Мусса Масхутович, д. филол. н., проф.

Хуболов Сахадин Магаметович, к. филол. н.

Мизиев Ахмат Магометович, д. филол. н.

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
tekiev@mail.ru; khubol@yandex.ru; miz1967@mail.ru*

Отфитонимные микротопонимы в карачаево-балкарском языке

Народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, всегда интересовались происхождением географических названий – топонимов. Географических названий, особенно микротопонимов, в местах их проживания весьма много, и они не подвергаются трансформации на протяжении длительного времени, в силу чего являются источником важной информации как для языкознания, так и для других наук, особенно истории и географии [6, с. 3]. В силу своей устойчивости топонимы способствуют решению многих вопросов, сопряженных с историей языка и историей народа, целого ряда проблем исторической географии, что представляется **актуальным** для современной гуманитарной науки, в частности ономастических исследований, в том числе и для карачаево-балкароведения.

Задачи исследования:

1. Выявить и систематизировать отфитонимные карачаево-балкарские микротопонимы.
2. Провести структурно-семантический анализ микротопонимов, образованных от названий растений.
3. Определить мотивационные признаки отфитонимных микротопонимов в карачаево-балкарском языке.

При исследовании специфики вербализации названий местности использовались **методы** систематизации, классификации и структурно-семантического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды известных отечественных языковедов, в том числе и тюркологов, посвященные научной интерпретации топонимов различных народов: А. К. Матвеева [6], Э. М. Мурзаева [7], Б. Х. Мусукаева [8], В. А. Никонова [9], Р. З. Шакурова [14] и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что проанализированный в нем фактологический материал может найти применение в таком важном разделе лексикологии карачаево-балкарского языка, как ономастика, а также при подготовке научно-методических работ по спецдисциплинам, посвященным различным аспектам топонимики.

Топонимия в целом характеризуется комплексностью и самостоятельностью и дает важную лингвистическую информацию, а также ценные исторические, археологические и географические сведения относительно названий различных объектов окружающей действительности, на что указывается в специальной ономастической литературе [Там же, с. 3].

В карачаево-балкарском языкознании вопросы топонимии стали интенсивно разрабатываться во второй половине XX в. На необходимость изучения топонимии карачаево-балкарского языка указывает Б. Х. Мусукаев: «...для извлечения правильных лингвистических выводов необходимо анализировать все части словарного состава языка, в том числе и такой консервативной лексики, как топонимы, сохранившие в своем составе много омертвевших форм. В географических наименованиях, этих мало подвластных времени словах, заложены уникальные сведения о языке и истории народа» [8, с. 4].

В свое время известный специалист в области тюркской топонимики Е. Койчубаев писал: «Проходят столетия, а названия местностей передаются от прадеда к деду, от отца к сыну, отражая различные явления природы, представления народа об окружающей его действительности, а также особенности языка» [4, с. 4].

Основной проблемой топонимии является вопрос о том, входит ли значение апеллятива в значение топонима или нет. В этом вопросе мнения ученых расходятся. Так, например, В. А. Никонов считает, что названия топонимов не зависят от значения апеллятива, «поэтому ошибочны и вредны многочисленные попытки сортировать названия “от растений”, “от животных”, “от почвы”, “от истории”. Подобная сортировка не вскрывает главного, а наоборот, заслоняет его производным, третьестепенным» [9, с. 26]. Из таких наблюдений, хотя они являются частным случаем, В. А. Никонов сформулировал закон «относительной негативности» названия, т.е. топоним не несет информацию о содержании апеллятива [Там же, с. 39]. Против этого положения выступили известные топонимисты Э. М. Мурзаев, А. М. Матвеев, А. В. Суперанская, И. В. Подольская и др. В связи с этим Э. М. Мурзаев пишет: «Термины – основа топонимии, они оказываются той частью сложных, составных географических названий (а таких большинство), которые определяют смысловое содержание топонимов» [7, с. 98]. А. К. Матвеев также подчеркивает, что «относительная негативность» является частным случаем общей связи топонимических наименований от семантики апеллятива: «Тезис о том, что название часто дается по редкому предмету, явлению, признаку, разумеется, не вызывает никаких сомнений, но абсолютизировать его нельзя, так как те факты топонимии, которые можно объяснить на основе “относительной негативности”, представляют собой частный случай номинации. Возникновение большинства топонимических названий не имеет к этому принципу никакого отношения» [6, с. 26].

Связь названия топонима от значения апеллятива Е. Л. Березович кладет в основу определения семантики географического названия, когда название (топоним) формируется на основе изучения свойств объекта, семантика исходного апеллятива входит в состав семантики топонима, причем является важнейшим для лингвистов компонентом топонимической семантики [2, с. 75].

Топонимический материал карачаево-балкарского языка полностью подтверждает это положение, особенно в топонимии, связанной с фитонимией. В словарях карачаево-балкарского языка по топонимии этот пласт топонимов представлен по-разному. Так, в работе Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева [5] имеется восемь топонимов с основой названий растений, кустов, плодов и ягод. Десять названий данной группы топонимов дает Б. Х. Мусукаев в работе «Топонимия высокогорья Балкарии» [8]. Указанное имеет отношение и к некоторым научным статьям последних лет, характеризующимся традиционностью [10; 11] и лингвокультурологической направленностью [1].

Поскольку в названных работах нет должного системного представления микротопонимов, мы попытались восполнить этот пробел. С этой целью в данной статье нами предпринята попытка выстроить рассматриваемые номинации микротопонимов, с одной стороны, в алфавитном порядке, с другой – по количеству их компонентов для удобства пользования. Из специальных лексикографических работ С. А. Хапаева [12; 13] и Ч. И. Геляева [3] мы извлекли более 200 названий данной группы.

1. Однолексемные микротопонимы

Балдыргъанлы [Там же, с. 93], местность в Черекском ущелье выше с. Верхняя Балкария. Ороним выражен сущ. *балдыргъан* «борщевик» + аффикс наличия *-лы* = **Балдыргъанлы** «место, где обильно растет борщевик», чем и мотивировано название оронима.

Гелеулю [12, с. 150; 13, с. 115], река, правый приток р. Теберды. В основе гидронима лежит сущ. *гелеу* «типчак» + аффикс наличия *-лю* = **Гелеулю** «типчаковый». Оним получил свое название в связи с тем, что на ее берегу обильно растет типчак.

Гюлчю (гюлцю) [12, с. 164; 13, с. 116]: 1) вершина высотой 4471 м выше уровня моря в западной части Суканского хребта; 2) ледник в северо-западной части Суканского хребта. Онимы образованы из сущ. *гюл* «цветок» + аффикс наличия *-чю(-цю)* = **Гюлчю (гюлцю)** «цветочный». Онимы получили свое название по обилию цветов в тех местах.

Жюдюрдю [13, с. 117], местность около с. Чегем. Оним выражен сущ. *жюдюр* «ягода» + аффикс наличия *-дю* = **Жюдюрдю** «ягодный». Название оронима получилось по обилию этой ягоды в данной местности.

Зюдюрлю [3, с. 94], местность в Черекском ущелье. Микротопоним состоит из сущ. *зюдюр* «ежевика» + аффикс наличия *-лю* = **Зюдюрлю** «ежевичный». Наименование связано с произрастанием в этой местности ежевики.

Кёгетли [12, с. 212; 13, с. 117]: 1) местность на левом берегу р. Кубань; 2) урочище, ущелье в бассейне р. Кубань в окрестностях аула Къарт Джурт. В основе оронима лежит сущ. *кёгет* «фрукт» + аффикс наличия *-ли* = **Кёгетли** «фруктовый». Название дано в связи с обилием фруктов в этом месте.

Къобустала [12, с. 251], местность, а в прошлом неофициальное название аула Новая Джегута. Название образовано из сущ. *къобуста* «капуста» + аф. мн. ч. *-ла* = **Къобустала** «капусты». Местность получила свое название в связи с тем, что жители занимались выращиванием капусты.

Къудору [12, с. 252; 13, с. 119], местность в верховьях р. Суулу къол. Название выражено корневой морфемой *къудору* «фасоль, горох». Хотя существительное здесь выступает в ед. ч., оно обозначает множество. Название мотивировано тем, что это место отличалось обилием гороха.

Кюндюшлю [12, с. 222; 13, с. 117], название засоренного участка пастбищ между реками Акъ суу и Чегем. Наименование выражено сущ. *кюндюш* «черемша» + аффикс наличия *-лю* = **Кюндюшлю** и мотивировано произрастанием черемши в этом участке.

Мурсалы [12, с. 285; 13, с. 119]: 1) река, левый приток р. Гаралы къол; 2) перевал (3500 м), соединяющий исток р. Джаялакъ къол с р. Мурсалы; 3) местность и стойбище в долине р. Уччулан ичи. Гидроним и оронимы образованы от одного производного слова: сущ. *мурса* «крапива» + аффикс наличия *-лы* = **Мурсалы** «крапивный». Оним мотивирован наличием большого количества крапивы в этом месте.

Одаллы [12, с. 304; 13, с. 121], урочище в верховьях р. Мара, находится на водоразделе Нарат къол и Мара. Название образовано из корневой морфемы *одал* «мать-и-мачеха» + аффикс наличия *-лы* = **Одаллы** «мать-и-мачеховый». Наименование онима мотивировано наличием большого количества этой травы в данной местности, что является отличительным признаком.

Тихтенли [13, с. 122], местность на левом берегу р. Башил аузу суу – истока р. Чегем. Название местности восходит к существительному *тихтен* «черемша» + аффикс наличия *-ли* = **Тихтенли** «черемшовый». Название мотивировано наличием большого количества черемши в этом месте.

Тюртюле (Тюртюлю) [12, с. 362; 13, с. 122], урочище у окрестности аула Теберда. Название образовано путем присоединения аффикса наличия *-лю* к сущ. *тюртю* «барбарис» = **Тюртюлю** «барбарисовый». Название объекта дано в связи с наличием в этом месте большого количества барбариса.

Чырпы (Цырфы) [12, с. 408; 13, с. 122]: 1) урочище на р. Черек Балкарский, ниже с. Огъары Малкъар; 2) урочище на левом берегу р. Балык. Топоним выражен корневой морфемой *чырпы* «кустарник», употребляется в единственном числе, но выражает множество. Мотивация связана с наличием большого количества кустарников в этом месте.

Шинжэли [3, с. 96], местность с колючками (терновником). Урочище в районе Мёлюшюк выше с. Верхняя Балкария. Простой микротопоним, выраженный именем существительным с аффиксом наличия *-ли* = **Шинжэли** «местность, изобилующая терновником». Название мотивировано наличием большого количества терновника в данной местности.

Шхылды [12, с. 417; 13, с. 123], местность в окраине аула Хурзук. Название оронима восходит к существительному *шхылды* «брусника», также выражающему множество. Мотивация идет по наличию в этом месте большого количества брусники.

Нами выявлено семьдесят таких топонимов.

2. Двулексемные микротопонимы

Гелеулю ёзен [12, с. 150; 13, с. 115], балка на правом берегу р. Баксан (Басхан). Ороним, состоящий из двух компонентов: прил. *гелеулю* «типчаковый» + сущ. *ёзен* «ущелье» = **Гелеулю ёзен** «типчаковое ущелье». Название дано в связи с обильным ростом здесь типчака.

Гелеулю къулакъ [12, с. 150; 13, с. 116], балка в бассейне р. Мара на юге аула Огъары Мара. Оним образован сочетанием 2 слов: прил. *гелеулю* «типчаковый» + сущ. *къулакъ* «балка» = **Гелеулю къулакъ** «типчаковая балка». Объект получил такое название в связи с обилием здесь этой травы.

Гюлчю (гюлцю) кюннюм [12, с. 164], местность в верховьях р. Гюлчю выше с. Верхняя Балкария. Ороним образовался из сочетания 2 слов: прил. *гюлчю* «цветочный» + сущ. *кюннюм* «солнечная сторона» = **Гюлчю (гюлцю) кюннюм** «цветочная солнечной стороны». Название мотивируется наличием цветов в этой местности.

Домулу тала [3, с. 93], поляна в урочище Уштулу, выше с. Верхняя Балкария. Двухкомпонентный микротопоним: субстантив *дому* с аффиксом наличия *-лу* + апеллатив *тала* «поляна» = **Домулу тала** «клеверная поляна», чем и детерминируется мотивация микротопонима.

Дугъумлу къыр [Там же], балка у с. Верхняя Балкария. Двухкомпонентный микротопоним: фитоним *дугъум* с аффиксом наличия *-лу* + апеллатив *къыр* «балка» = **Дугъумлу къыр** «балка, где произрастает мята», чем и детерминируется мотивация микротопонима.

Жюдюр сырты [12, с. 198; 13, с. 117], холм в верховьях р. Урух выше с. Ташлы Тала. Оним состоит из двух компонентов: сущ. *жюдюр* «ягода» + сущ. *сырты* «возвышенность его» = **Жюдюр сырты** «ягодная возвышенность». Оним получил свое название по наличию большого количества ягод в этом месте.

Залкъыдылы бетле [3, с. 93], склоны в ущельях Дых суу, Ишкирти Ици выше с. Верхняя Балкария. В состав микротопонима входят: фитоним *залкъыды* «рододендрон» с аффиксом наличия *-лы* + соматический апеллатив *бет* «лицо (в значении “склон”)» во мн. числе = **Залкъыдылы бетле** «склоны, покрытые рододендронами». Оним получил свое название по наличию большого количества рододендрона в этом месте.

Кёгетли аягъы [12, с. 212], местность на берегу р. Кубань. Оним состоит из двух элементов: адъектив *кёгетли* «фруктовый» + субстантив *аягъы* «конечность его» = **Кёгетли аягъы** «оконечность фруктового». Оним получил свое название по месту расположения в конце фруктового места.

Кюннюм чырпы [Там же, с. 224], кустарник в верховьях р. Чегем. Название состоит из двух субстантивов: *кюннюм* «солнечная сторона» и *чырпы* «куст» = **Кюннюм чырпы** «кусты, расположенные на солнечной стороне». Название дано по имеющимся в этом районе кустарникам.

Къалиярлы чунгур [3, с. 94], впадина в теснине Черекского ущелья. В состав микропонима входят: фитоним *къалияр* «черемша» с аффиксом наличия *-лы* + апеллатив *чунгур* «впадина» = **Къалиярлы чунгур** «черемшовая впадина». Название дано по наличию в этой местности большого количества черемши.

Къамишли ауузу [12, с. 230; 13, с. 118], балка на правом берегу р. Кёкташ, левого притока р. Чегем. Оним выражен адъективом *камишли* «камышовый» и субстантивом *ауузу* «рот, начало» = **Камишли ауузу** «начало камыша». Название мотивируется наличием камыша в этом районе.

Къамишли джолу [12, с. 231; 13, с. 119], дорога и местность в бассейне балки Къамишли къол. Оним представлен двумя компонентами: прил. *къамишли* «камышовый» + сущ. *джолу* «дорога её» = **Камишли джолу** «дорога, проложенная по камышовой или возле камышовой балки». Название дано объекту по положению в пространстве.

Къамишлини дорбуну [12, с. 231; 13, с. 118], пещера в верховьях балки Къамишли къол. Оним состоит из двух элементов: прил. *къамишлини* «камышовый» + сущ. *дорбуну* «пещеры его» = **Къамишлини дорбуну** «пещера камышовой балки». Название дано по положению пещеры в камышовой балке.

Къудору кырдыклы [12, с. 258], местность в Черекском ущелье. В основе оронима лежат субстантив *къудору* «фасоль, горох» и адъектив *кырдыклы* «травяное» = **Къудору кырдыклы** «гороховая травяная». Название местности связано с обильным ростом в этом месте гороха, что является отличительной чертой.

Мандалаклы ыстауат [3, с. 94], стойбище в ущелье Ирциуашхи выше с. Верхняя Балкария. Микропоним состоит из следующих компонентов: фитонима *мандалак* «бутень» с аффиксом наличия *-лы* и субстантива *ыстауат* «стойбище» = **Мандалаклы ыстауат** «бутеневое стойбище». Мотивация онима идет от обильного произрастания в этом стойбище бутены.

Мурса къулакъ [12, с. 285], местность на юге-западе с. Терезе. Название объекта включает два субстантива: *мурса* «крапива» + *къулакъ* «ухо, балка» = **Мурса къулакъ** «крапивная балка». Мотивация онима идет от обильного произрастания крапивы в этой балке.

Мурсалы сабан [13, с. 119], пашня в селе Новая Теберда на правом берегу р. Теберды. Оним состоит из двух компонентов: адъектив *мурсалы* «крапивный» + субстантив *сабан* «пашня» = **Мурсалы сабан** «крапивная пашня». Мотивация названия идет от местоположения пашни около крапивы.

Мурсалы стауат [12, с. 285; 13, с. 119], стойбище в бассейне р. Учкулан. Топоним образован из сочетания двух слов: прил. *мурсалы* «крапивный» + *стауат* «стойбище» = **Мурсалы стауат** «крапивное стойбище». Мотивация названия идет от местоположения стойбища возле крапивы.

Мысты къол [3, с. 94], балка в урочище Зумушху, на западной стороне с. Верхняя Балкария. Микропоним состоит из следующих компонентов: фитоним *мысты* «щавель» + апеллатив *къол* «рука» в значении «балка» = **Мысты къол** «щавелевая лощина». Название онима мотивируется наличием большого количества щавеля в данной местности.

Нартюх сабанла [12, с. 295; 13, с. 120], урочище по берегам р. Подкумок. Микропоним произведен от следующих лексем: сущ. *нартюх* «кукуруза» + сущ. *сабанла* «пашни» = **Нартюх сабанла** «кукурузные пашни». Название мотивировано наличием кукурузных пашен.

Одаллы башы [12, с. 304], лес на левом берегу р. Теберды. В состав дримонима входят: адъектив *одааллы* «мать-и-мачеховый» + послеложное имя *башы* «верховье его» = **Одаллы башы** «верховье мать-и-мачехи». Оним мотивирован наличием большого количества этой травы в данной местности.

Тегенекли ёзен [3, с. 95], поляна в районе с. Бабугент. В состав микропонима входят: фитоним *тегенекли* «череда трехраздельная» с аффиксом наличия *-ли* + апеллатив *ёзен* «поляна» = **Тегенекли ёзен** «поляна, покрытая чередой трехраздельной». Название местности мотивируется наличием на ее территории череды трехраздельной.

Тихтенли суу [13, с. 122], приток р. Мары. В состав гидронима входят: адъектив *тихтенли* «черемшовый» + гидролексема *суу* «река» = **Тихтенли суу** «черемшовая река». Название мотивировано наличием большого количества черемши у этой реки.

Тихтенли чат [Там же], лощина у р. Учкулан. В состав микропонима входят: адъектив *тихтенли* «черемшовый» + соматический апеллатив *чат* «лощина» = **Тихтенли чат** «черемшовая лощина». Название мотивировано наличием большого количества черемши в этом месте.

Уихору бет [3, с. 96], склон в местности Гымышла выше с. Верхняя Балкария. В состав микропонима входят: фитоним *уихору* «горная азалия» + соматический апеллатив *бет* «лицо (в значении “склон”))» = **Уихору бет** «склон, покрытый горной азалией». Название мотивировано наличием большого количества горной азалии в этом месте.

Чырны къулакъ [12, с. 408; 13, с. 122], овраг на левобережье р. Балык. В состав микропонима входят два субстантива: *чырны* «кустарник» + *къулакъ* «овраг» = **Чырны къулакъ** «балка, поросшая кустарником». Мотивация онима идет по этому признаку.

Шкилди тау [12, с. 414; 13, с. 123], горный массив на Главном Кавказском хребте (ГКХ) в верховьях р. Шкилди. В состав оронима входят: сущ. *шкилди* «брусника» + сущ. *тау* «гора» = **Шкилди тау** «брусниковая гора». Мотивация онима связана с наличием брусники в этой местности.

Шхылды (Ышхылды) аягы [12, с. 417; 13, с. 123], местность и зимовье на левом берегу р. Уллу кам. Топоним образуется из сочетания 2 слов: сущ. *шхылды (ышхылды)* «брусника» + послеложное имя с посесивным аффиксом *аягы* «оконечность» = **Шхылды (Ышхылды) аягы** «оконечность брусники». Мотивация онима идет по расположению объекта в конце кустов брусники.

Шхылды тала [12, с. 417], местность на левом берегу р. Уллу кам. В состав микропонима входят: фитоним *шхылды* «брусника» + аппеллятив *тала* «поляна» = **Шхылды тала** «брусничная поляна». Мотивация оронима идет по линии наличия брусники в этой поляне, что выступает отличительной чертой объекта

Блшхылды (Блшхылды) къая [13, с. 123], скала в верховьях Блшхылды чат возле с. Дууут. В состав оронима входят: фитоним *блшхылды* «брусника» + аппеллятив *къая* «скала» = **Блшхылды къая** «брусничная скала». Название мотивируется наличием брусники на этой скале, что представляет отличительный признак этой скалы.

Нами выявлено сто десять таких топонимов.

3. Трехлексемные микропонимы

Къамишли къол баши [12, с. 231; 13, с. 118], местность в верховьях р. Къамишли къол, левого притока р. Ючкёкен. Ороним состоит из трех компонентов: адъектив *къамишли* «камышовый» + субстантив *къол* «балка» + послеложное имя с посессивным аффиксом *баши* «его верховье» = **Къамишли къол баши** «верхняя часть балки, где произрастает камыш», чем и мотивируется название географического объекта.

Къамишли къолну суу [Там же], правый рукав р. Подкумок. Гидроним состоит из трех компонентов: адъектив *къамишли* «камышовый» + субстантив в форме родительного падежа *къолну* «балки» + субстантив с посессивным аффиксом *суу* «его вода» = **Къамишли къолну суу** «речка, которая протекает в камышовой балке», чем и мотивируется название микрогидронима.

Къамишлини баши туппур [Там же], возвышенность, расположенная у левого притока р. Схауат. Микроороним состоит из трех компонентов: адъектив *къамишлини* «камышовый» + послеложное имя с посессивным аффиксом *баши* «его верховье» + субстантив *туппур* «возвышенность» = **Къамишлини баши туппур** «возвышенность в верховьях камышовой балки». Название дано по положению холма в верховьях камышовой балки.

Блшхылды чат суу [13, с. 123], речка, впадающая в р. Дууут. Микрогидроним состоит из трех компонентов: фитоним *блшхылды* «брусника» + послеложное имя *чат* «лощина» + гидроексема *суу* «река» = **Блшхылды чат суу** «река, протекающая в брусничной ложине». Название мотивируется по факту наличия в пойме реки брусники, что выступает ее отличительным признаком.

Нами выявлено тридцать таких топонимов.

Выводы. Топонимы, образованные от фитонимов, в карачаево-балкарском языке представлены значительным пластом, их насчитывается свыше двухсот. В структурном отношении они являются одно-, двух- и трехлексемными. В ареале жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев преобладают двулексемные отфитонимные микропонимы, их насчитывается сто десять.

Однолексемные номинации местности представляют собой названия различных растений в единственном числе с имплицитным выражением множественности. К ним могут присоединяться и аффиксы, являющиеся показателями квантитативности. Двулексемные микропонимы состоят непосредственно из названий растений, выполняющих атрибутивную функцию и сигнализирующих о наличии того или иного растения, и аппеллятивов, отмеченных значением пространственности. Таких аппеллятивов насчитывается четырнадцать. Трехлексемные номинации осложняются (добавочно) локативными лексемами, количество которых составляет восемь единиц. Указанное способствует характеристике топонимов с различных точек зрения, т.е. актуализации названия фитонима, его цвета, расположения в пространстве и т.д., что, в свою очередь, дает представление о мотивации при номинации местности.

В работе представлен лишь незначительный пласт микропонимов, функционирующих в местах компактного расселения карачаево-балкарского этноса. **Перспективы дальнейшего исследования**, на наш взгляд, заключаются в последующем полиаспектном научном описании топонимической системы Карачая и Балкарии.

Список источников

1. Башиева С. К., Кетенчиев М. Б. Особенности вербализации чувственного восприятия географических объектов в карачаево-балкарских топонимах // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2 (102). С. 102-107.
2. Березович Е. Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Свердловск: УРГЦ, 1991. С. 75-90.
3. Геляев Ч. И. Топонимический словарь Черекского ущелья. Нальчик: Печатный двор, 2015. 118 с.
4. Койчубаев Е. Краткий словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. 284 с.
5. Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970. 120 с.
6. Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск: УРГЦ, 1986. 100 с.
7. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 380 с.
8. Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. 166 с.
9. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 175 с.
10. Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М. Многословные топонимы с зоонимической основой в карачаево-балкарском языке и их лексико-грамматическая характеристика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 230-234.
11. Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М. Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов с зоонимической основой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 174-178.
12. Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Эльбрусид, 2013. 576 с.
13. Хапаев С. А. Карачаево-Балкарская топонимическая система и реконструкция природопользования. Карачаевск: КЧГПУ, 1997. 132 с.
14. Шакуров Р. З. По следам географических названий. Уфа: Башкнациздат, 1986. 179 с.

Microtoponyms Derived from Phytonyms in the Karachay-Balkar Language

Tekuev Mussa Maskhutovich, Dr
Khubolov Sakhadin Magametovich, PhD
Miziev Akhmat Magometovich, Dr

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
tekuev@mail.ru; khubol@yandex.ru; miz1967@mail.ru

The purpose of the study is to identify structural and semantic features of the Karachay-Balkar microtoponyms derived from phytonyms. The work is novel in that it is the first to analyse the toponyms derived from plant names, which are present in areas with high concentration of the Karachays and the Balkars. The sources of the considered toponymical vocabulary were the materials found in specialised lexicographical papers. The research findings have shown that the studied microtoponyms are represented by monolexic, bilexic and trilexic nominations consisting of plant names, as well as of other words of different parts of speech.

Key words and phrases: Karachay-Balkar language; onym; microtoponym; phytonym; appellative; substantive.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.18>

Дата поступления рукописи: 18.09.2020

Цель исследования – выявить основные типы образования новых слов в современном удмуртском языке. В статье рассмотрены неологизмы-существительные с точки зрения структурно-словообразовательных особенностей. **Научная новизна** работы заключается во включении в научный оборот нового фактического материала, который до настоящего времени не подвергался лингвистическому анализу. **В результате** доказано, что новообразования созданы при помощи словосложения, суффиксации, безаффиксного и лексико-семантического способов. Отдельные термины представляют собой кальки с русского языка, которые образованы посредством копирования, буквального перевода структуры иноязычных слов.

Ключевые слова и фразы: лексикология; словообразование; неологизмы; удмуртский язык.

Титова Ольга Владимировна, к. филол. н.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск
ovtitova@rambler.ru

Словообразовательные модели неологизмов в современном удмуртском языке

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения современных тенденций развития словообразовательной системы удмуртского языка. Несмотря на достижения в области словообразования, в удмуртском языкознании имеется множество нерешенных как в теоретическом, так и в практическом плане проблем.

Лексика удмуртского языка, как и любого другого языка, находится в процессе постоянного изменения. В последние десятилетия наблюдается интенсивное пополнение словарного фонда новыми словами, отражающими различные сферы жизнедеятельности человека. Неологизмы созданы за счет внутренних ресурсов языка для выражения не только новых понятий, но и существующих реалий, для обозначения которых использовались русские заимствования. Словообразовательные модели весьма разнообразны и меняют свою продуктивность, в связи с этим требуют пристального внимания и конкретных исследований.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, изучить закономерности и особенности образования новых слов; во-вторых, выявить наиболее продуктивные модели создания неологизмов-существительных в современном удмуртском языке.

В статье используются следующие **методы исследования**: описательный метод и метод компонентного анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы русских и удмуртских лингвистов в области лексикологии, лексикографии, словообразования: А. А. Брагиной [2], Е. А. Земской [5], Н. З. Котеловой [7], В. В. Лопатина [8], Т. В. Поповой [9], Н. М. Шанского [15], В. И. Алатырева [1], С. В. Герасимовой [3], Н. А. Сергеевой [12], И. В. Тараканова [13]. При написании статьи приняты во внимание работы последних лет, в которых затрагиваются вопросы удмуртской неологии [4; 6; 14].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания курсов по лексикологии и словообразованию удмуртского языка.

Материалом исследования послужили данные «Русско-удмуртского словаря», изданного в 2019 г. [11]. Кроме неологизмов, собранных из других лексикографических трудов, в словарь включено много новых слов,